

Лина Лиру
Не буди их в Феврале



До того, как стемнело

Лина Лиру

Не буди их в Феврале

«Автор»

2026

Лиру Л.

Не буди их в Феврале / Л. Лиру — «Автор», 2026

Есть город, где забыли небо без дождя. Есть история, которую рассказывают всем детям — но никто не помнит, кто начал. Есть двое, что держат друг друга, чтобы не исчезнуть. И есть тот, кто просто шёл домой — и не заметил, как перестал быть собой. Говорят, раз в год дождь стихает на один удар сердца. Говорят, в этой тишине слышно смех. Говорят, лучше не слышать. Говорят, всё это — просто сказка. Тогда почему за окном, в ветках клёна, кто-то смотрит в ответ?

© Лиру Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	6
Стих-Сказанье	7
Не буди их в Феврале	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Не буди их в Феврале

Дисклеймер

Это художественное произведение. Все персонажи, события и места вымышлены; совпадения с реальными людьми и событиями случайны. Автор использует мотивы японской мифологии (ками, ёкаи и др.) в свободной художественной интерпретации — текст не претендует на культурологическую или религиозную достоверность. Содержит элементы мистики и психологического напряжения. 16+Стих-СказаньеСтих-Сказанье

Стих-Сказанье

Там, где горный Дух дождем,
Поливает все вокруг,
Где огни горят живьем,
Бродит лист - осенний друг.
И он хочет веселиться,
Поиграть и раскрутиться!
Кто же скажет в Футацуки
Что нельзя им в одни руки.

Лина Лиру

Не буди их в Феврале

В стародавние времена, когда небо ещё держалось на плечах древних богов, жила на свете Амэ-онна - младшая дочь седого Владыки Гор. Не громом и молнией являлась она миру, а являлась тихой дымкой на заре, когда первые лучи солнца целовали вершины. Спускалась она в долины с утренним туманом, поила жаждущие рисовые поля и врачевала иссохшую землю живой влагой.

Люди почитали её как великую благодетельницу. В каждом доме хранили о ней память: жёницы в новолуние ставили на пороге чашу и шептали молитвы о дожде для колосьев; матери, склоняясь перед алтарём, просили у неё защиты для своих детей. И Амэ-онна не оставалась глуха — она отвечала им тёплым, ласковым ливнем, что падал на землю, словно материнское благословение.

Дивной была её красота — кожа её отливала влажным блеском речного камня, а волосы спадали чёрными струями, подобно водопаду, что низвергается в горном ущелье. Где ступала её нога, там распускались цветы, а от улыбки её загорались звёзды. В благодарность люди сложили на перевале малое святилище — из грубого камня и древесной коры, — и каждый сезон, когда ветер приносил первые тучи, они зажигали огни и читали молитвы, дабы не прогневать дух дождя и вечно пить его милость.

Но люди стали забывать древние обычаи. Прошли века. Город разросся, святилище разрушилось, и вместо молитв на перевале зазвучали автомобильные гудки. Крестьяне ушли в города — кому теперь нужна богиня дождя, если есть водопровод?

Мир людской переменился — железные птицы пронзили небо, а молитвы сменились звонками механизмов. Без шепота веры ками истончается, словно утренний туман под солнцем. Это древний закон, что не знает пощады.

Сначала она пыталась напомнить о себе — посылала щедрые ливни, чтобы люди вновь поднимали лица к небу. Но они лишь хмурились, раскрывали чёрные зонты, точно панцири жуков, и торопились в свои стеклянные норы, проклиная воду, что падала с небес. Тогда её нежная суть — ниги-митама, что дарит покой и росу, — начала таять. А на смену ей пришла ара-митама, дикая и голодная, рождённая из вековой горечи. Богиня превратилась в ёкая.

Отныне дождь её приносил не радость, а ледяную морось, что пронизывала до самых костей, высасывая тепло. В такую ночь, когда город утонул в серой пелене, Амэ-онна брела меж высоток, вслушиваясь в шум машин — не услышит ли хоть один голос, обращённый к ней. И вдруг за углом она заметила молодую мать. Та прижимала к груди свёрток, пытаясь укрыть младенца от потоков воды, и шептала: «Тише, дождь скоро пройдёт».

В этом шёпоте богиня уловила ноты — почти молитву. Но не себе. Просто жизни, просто любви. И тогда вместо священного трепета в ней вспыхнула зависть, острая, как лезвие кинжала. Почему смертная может любить так яростно, а её, древнюю, никто не вспоминал целые века?

Той же ночью Амэ-онна явилась к ним. Она забрала самое драгоценное: чистый свет, заключив его в каплю вечного дождя, чтобы чувствовать материнскую нежность, что никогда не предназначалась ей. Младенец вырос равнодушным, с глазами, в которых не отражался свет, — лишь серая муть.

Ёкай когда-то верила во что-то светлое, но потеряла это. В душе осталась дыра. Теперь он забирает чужой свет не со зла, а чтобы хоть на миг почувствовать тепло и жизнь. Но это обман: тепло исчезает сразу, как утренний туман. И она снова остаётся одна.

Веками Амэ-онну боялись и ненавидели. Она забыла себя, помня лишь холод и тоску. Гора держала её дух в городе-клетке, а те, кто мог отпустить остались в веках. Каждый день она сеяла мелкий дождь чтобы её заметили. Но люди прятались под зонтами и не смотрели вверх.

Однажды, в середине августа, когда солнце палило особенно ярко, на перевале, где когда-то стояло святилище богини дождя, упал кленовый лист. Не простой — красный, как закат. Он упал на мокрый от дождя асфальт, и от него пошёл пар.

Амэ-онна заметила это. Она спустилась ниже, коснулась листа пальцем — и в ту же секунду из земли вырвался корень, обвил её руку и вытянул из-под асфальта девочку. Рыжие волосы полыхали, словно костёр, глаза сверкали янтарём.

Это был новый дух, рождённый из тоски самой земли, которая устала от вечного дождя и захотела тепла. Земля, пропитанная слезами богини, дала жизнь тому, кто мог ей противостоять.

Девочка зевнула, потянулась, посмотрела на хмурое небо и сказала:

— Фу, как сыро. А где солнце?

Амэ-онна не ответила. Она просто смотрела, как эта рыжая искра танцует под её дождём и не гаснет.

Момидзико — так она себя назвала — не знала страха. Она прыгала по лужам, ловила капли языком и смеялась. Амэ-онна пыталась прогнать её — ударила ледяным ветром, закрутила водяным смерчем. Но Момидзико лишь чихнула, стряхнула иней с ресниц и махнула рукой.

В тот же миг поднялся вихрь из красных листьев. Они закружились вокруг богини, и тучи дрогнули. Сквозь них пробился первый за сто лет луч солнца.

Амэ-онна оцепенела. Она забыла, как выглядит свет. И в этом свете она увидела себя — мокрую, серую, с волосами, что стекали чёрными струями. И рядом — рыжую и живую.

— Кто ты? — прошептала богиня.

— Я та, кто приходит, когда листья краснеют, — ответила Момидзико. — Я сплю всё лето и просыпаюсь в августе. Я играю до декабря, а потом исчезаю до следующей осени. И я не люблю, когда слишком сыро.

Амэ-онна сжала кулаки. Её дождь был единственным, что у неё осталось. И эта маленькая нахалка хотела его отнять.

— Это мой город, — прошипела богиня. — Здесь мой дождь.

Но Момидзико лишь рассмеялась и сдула ещё одну тучу.

Так родился их спор. Он не был враждой — скорее игрой, в которой никто не мог победить окончательно.

Эти несколько месяцев — с конца августа и до глубокой осени — единственное время, когда в городе можно увидеть солнце. Но и то не каждый день, а лишь когда рыжая побеждает в споре.

Иногда в октябрьскую полночь, когда дождь затихает, их видят на крышах. Две фигуры: одна — мокрая, с волосами-водопадами. Другая — рыжая, с вечной улыбкой. Они не говорят. Они просто стоят и смотрят на город.

Вместе они — осень.

Такова легенда. И так будет всегда. Пока красные листья кружатся в воздухе, пока дождь стучит по крышам, есть только двое, что держат друг друга, несмотря на неприязнь чтобы не исчезнуть навсегда.

Вы правда поверили, что так будет всегда?

Эту историю рассказывают практически всем детям в каждом районе Футацуки. Не путайте с февралём! Ведь это про холод, но в городе, где нет ничего, кроме вечных ливней, грома и молний, нет места злому морозу. Я думаю, что этой маленькой девочки никогда не существовало — поскольку ни в каком мифе и ни в какой сказке я не видела девчонку, которая была бы духом осени, листвы или чего-то ещё. Но многие верят, что когда-нибудь всё-таки

в сентябрьскую пару может произойти чудо, и спустится кленовый лист, в котором будет она — Момидзико. И тогда появится солнце, и хоть в какой-то день можно будет выйти на улицу и полюбоваться красотой природы. Ну, это всё байки — ведь дождь идёт, уже, не переставая который год. Хотя, может, я ошибаюсь?

Наконец-то настал август. Холодный ветерок и вечный ливень. В такие моменты хочется включить радио, лечь и расслабиться.

Так, один парень, возвращаясь со своей обыденной офисной работы, шел домой — в пустую квартиру, где его ждали только радио и пролёжанный диван с выпирающей пружиной слева. Он быстро поднялся по тёмной лестнице в своё убежище. Странно, но, когда он шёл по третьему этажу, чувствовал чьи-то глаза на себе. Взгляд был липкий, как мокрая ткань, — он стекал по затылку и не отпускал, пока юноша не оказался у двери. Лампочка над его головой не горела, но в её стекле всё равно что-то поблёскивало — как будто оттуда, изнутри, кто-то моргнул. Он не стал вглядываться. Смотреть было страшнее, чем не смотреть.

Он тихо зашёл в жильё и со скрипом закрыл дверь. Скрип был длинный, тягучий, как будто дверь не хотела его впускать. Нажав на кнопку — свет не включился.

— Опять не оплатил... — опустив голову, пробормотал парень в темноту.

Ему никогда не хватало времени. Всё время офис, сон — и сон, и офис. Даже времени нет. Юноша по темноте прошёл до кровати и плюхнулся на неё. Пружина слева отозвалась стоном — не скрипом, а именно стоном, будто под ним что-то живое. Вдруг радио включилось само. Странно. Волна была не та, что обычно. Он всегда слушал нежный джаз. А теперь из колонки шла странная симфония, что слишком зловеще синхронизировалась с дождём. Каждая капля за окном словно попадала в такт нотам — и от этого по спине ползло что-то холодное, чужое. Между нотами был шорох. Тихий, сухой, как будто кто-то вёл пальцами по бумаге. Или по волосам. Парень хотел выключить, но рука не поднялась. Он уснул раньше, чем решил.

Ему приснилась прекрасная девушка. С тёмными, как ночь, волосами и белой, как облако, кожей. Но из облаков над ним были только тёмные серые тучи, наполненные зловещим дождём и яркими, очаровательными, извилистыми молниями. Во сне она не говорила — только смотрела. И от этого взгляда хотелось одновременно убежать и остаться навсегда. Под ногами не было пола — только вода. Тёмная, стоячая по щиколотку. И когда он делал шаг, отражение в ней запаздывало. На полсекунды. Он не сказал об этом даже себе.

На следующий день всё началось по-новому: офис, дом, неоплаченные счета, сон, офис, дом, неоплаченные счета — и так по кругу. Он не знал, когда это прекратится, да ему это и не нужно было. Юноша работал сотрудником архива. Там же работало ещё несколько человек. Со временем, с каждым таким днём, сотрудников становилось всё меньше. Кто-то увольнялся, кто-то уходил просто так — в никуда. Всего осталось три работника, включая молодого человека. Никто из них не помнил, как звали тех, кто ушёл. Даже их лица как будто выцвели из памяти, как старая бумага.

С этого дня комната начала сужаться. Не буквально, конечно. Не буквально... Это всего лишь иллюзия... правда? Стены подходили ближе к вечеру. Утром отступали. К обеду снова начинали дышать в затылок. Он измерял шагами от стола до двери — сначала было двенадцать шагов, потом одиннадцать, потом десять. А потом, перестал измерять. Ведь... это же все бред!

Тучи становились чернее, дождь — ещё сильнее. Это означало лишь одно: настала осенняя пора. Хотя парень не считал дни недели, осень он почувствовал — слишком явно: в архиве стало очень темно, так что пришлось всё-таки включить ненавистный свет. Офисные работники любят носить очки — и нет, не из-за того, что они работают с бумагой. Из-за того, что в их помещении всегда было тускло. Они не хотели тратить электричество. В тот день лампа загорелась с щелчком, и на секунду ему показалось, что в углу, между стеллажами, кто-то стоит — мокрый, сгорбленный. Свет разгорелся. Угол был пуст. Но на полу осталась лужа. Небольшая. Свежая.

После работы, выйдя из этих давящих тёмных стен, он увидел, что по дороге в его дом ведутся дорожные работы.

— Ну сколько можно... — пробурчал юноша и направился в ближайший переулок.

Это место было всё в лужах. Когда он зашёл в него, этого, естественно, не заметил. Все его ноги были до колена в воде. Вода была не просто холодная — она была чужая. Как будто кто-то уже стоял в ней до него. Он стал ещё раздражительнее. Стало темнеть. Парень шёл домой по лужам — и вдруг свернул не на ту улицу. Бродя по лабиринту кварталов, он потерял абсолютно все мысли в голове. Там было буквально ничего. Не думая ни о чём, он просто шёл. Его темные, уложенные волосы и одежда были насквозь мокрые. Дождь усиливался, а зонт уже не помогал. Не потому, что промок, — потому, что капли падали снизу вверх. Парень этого не замечал. Но тело замечало: по лодыжкам били крошечные холодные удары, будто кто-то стучал по нему из-под земли.

На конце улицы юноша вдруг увидел барышню: длинные волосы, кожа светлая. Он подумал — кто ещё может в такую погоду прогуливаться? На ней кажется было платье... или кимоно? А может это вообще был белый строгий костюм. Она никак не могла идти с работы, рассуждал он. Кстати, это были первые мысли, которые появились у него в голове после той дыры. Как странно. Женская фигура стояла спиной, не двигалась, не покачивалась под ветром. Стояла так, как стоит только то, что застыло навеки.

Юноша шёл всё дальше, и дальше, и дальше. Дождь всё усиливался, а потом становился ещё сильнее. Горизонт полностью исчез. Он не видел ничего, кроме тумана и капель. Ему казалось, кто-то на него смотрит, но не обращал на это внимания. Парень шёл слишком долго. Уже не знал, где его дом. Атмосфера становилась всё темнее, и темнее, и темнее. Непроглядная тьма, воющий ветер, белая молния — и гром. Чувство никуда не пропадало. На него смотрела тысяча глаз, думал он. Теперь его мысли заполнили они. И вместе с ними пришла тишина — та особенная тишина, когда понимаешь, что даже дождь на секунду замер, чтобы послушать, что будет дальше.

— Даже дорогу домой найти не может. Какой из него работник? — сказал мужской басовый голос слева.

— Денег полно, а свет включить не может! — прохрипел женский голос сверху.

Голоса заполнили его голову и душу. Они говорили негромко, почти буднично — и от этого было еще хуже. Как будто они давно жили у него внутри и просто ждали, когда он их услышит. Молодой человек уже не чувствовал юношеского света в себе, как чувствовал пару лет назад. Он вдруг осознал, что превратился в банального офисного работника, который не видит ничего дальше бумаги и ручки, — и в этом осознании было что-то страшнее увольнения: он понял, что перестал мечтать, перестал злиться, перестал даже скучать по другой жизни. Бумага и ручка стали не инструментами, а границами его мира, за которые он давно не выходил — и уже не помнил, что там, за ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.